

Ольга Сенина

Если вернулся с «работы для настоящих мужчин»: социальная помощь «бойцам» и «женам героев» | весна 2025

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Center for Independent Social Research, Berlin

№2 | июнь
2025

Содержание

- 2 Введение
- 3 Взять на учёт: система социальной помощи «бойцам» и их семьям
- 5 Там такая Санта-Барбара бывает: семьи мобилизованных
- 8 Ветераны, «бойцы», «эс-вэ-ошники», «ребята»: социальная категоризация благополучателей
- 10 У них отца убили, а я им билеты в цирк: социальная работа с семьей
- 12 В приоритете боец и его дети: социальная помощь «женам героев»
- 16 Шансы на возвращение: социальная помощь вернувшимся из зоны боевых действий
- 19 Семнадцать похорон за месяц: вызовы для социальной службы
- 21 Вместо заключения

Введение: война в повседневности

Большой город, утро буднего дня. На трамвайной остановке буянит пьяный мужчина в форме цвета хаки. Он размахивает руками, кричит, что всех надо отправить «на СВО за ленточку», чтобы «все, наконец, узнали...». Он явно не в себе, и ждущие транспорт люди стараются отойти от него подальше. Никто не пытается утихомирить буяна, дабы не нарваться на скандал. Пожилая женщина шепчет мне: «Дождемся. Вот они сейчас все вернутся с войны, и мы получим вот это вот всё...».

Новостные около-оппозиционные интернет-каналы с завидной регулярностью публикуют информацию о том, как демобилизованные или приехавшие в отпуск из зоны боевых действий военные проявляют агрессию или совершают преступления¹. Официальные каналы об этом тоже пишут, но более сдержанно. Тем не менее такая информация встречается. Невыносимое ожидание того, когда, наконец, закончится хотя бы острая стадия конфликта, смешивается с тревогой о том, что же нас ждет дальше. И среди прочих встает вопрос о том, как будут адаптироваться к другой жизни люди, имеющие опыт реальных боевых действий?

Вопросами социальной поддержки и адаптации к будущей мирной жизни российских участников полномасштабного вторжения в Украину, а также помощью членам их семей в настоящее время занимается множество агентов. Среди них и государственные службы, и провластные НКО, и различные фонды, и церковные общины. Все они считают необходимым и с разных сторон пытаются помочь новой для российского общества, при этом довольно масштабной социальной группе. В этом тексте я сфокусировалась на анализе того, как понимается и как организована социальная помощь, идущая со стороны государственной системы социальной поддержки, а также поразмышлять о том, какие социальные эффекты вызывает эта помощь².

¹ Например: В Судогодском лесу найдено тело закопанной женщины

СВОенное время: как в России привлекают к ответственности за преступления участников спецоперации

² Этот текст вырос на основе исследования, которое проводилось в одном из российских городов-миллионников. Отчасти оно основано на автоэтнографии и наблюдениях, сделанных в государственных Центрах социального обслуживания населения и других учреждениях, так как моя работа отчасти связана с этой системой. Кроме того, я взяла ряд интервью (с записью на диктофон) и проводила частные беседы с социальными работниками и психологами, непосредственно работающими с демобилизованными и членами их семей.

Взять на учет: система социальной помощи «бойцам» и их семьям

³ Федеральный закон
"Об основах социального
обслуживания граждан в
Российской Федерации" от
28.12.2013 N 442-ФЗ.

Система государственной социальной помощи в РФ, пережившая в середине 2010-х годов сложное реформирование, к 2024 году устоялась и институализировалась. Согласно закону, вся поддержка в России с 2013 года трактуется как «оказание социальных услуг населению»³, заказываемых государством у соответствующих служб, что переопределило концепцию социальной поддержки как систему рыночных отношений. В городе была создана в каждом районе и успешно функционировала разветвленная сеть центров помощи различным категориям, которые нуждаются в поддержке государства — семье и детям, зависимым, пожилым, людям с инвалидностью и пр.

Такие центры в настоящее время оказывают целый ряд услуг, среди которых бытовые услуги (помощь по дому, покупка продуктов и прочее); правовая помощь (юридические консультации и помощь в оформлении документов); психологическая помощь (поддержка в кризисных ситуациях, консультации психолога); трудовая помощь (помощь в трудоустройстве, обучение, профориентация) и организация культурных мероприятий. Основной принцип работы центров — индивидуальный подход, и для каждого нуждающегося в социальной помощи человека формируется свой пакет социальных услуг в соответствии с конкретными потребностями.

Москва, зима 2024 года. Выставка в музее Современной истории России. Фото Сергея Румянцева.

Работа по обслуживанию социальных нужд и проблем граждан, вызванных военными действиями в Украине, фактически началась с момента объявления мобилизации в сентябре 2022 года. Сотрудники социальных служб были привлечены и к участию в самой мобилизационной кампании. Заведующий одного из городских районных Центров помощи семье и детям в интервью объяснял, что он – «государев человек», и что ему скажут, то он и делает: то в рамках субботника улицы метет, то на выборах дежурит, то на Бессмертный полк идет, то разносит повестки о призыве на СВО по домам.

В момент мобилизации социальная служба была призвана помочь военкоматам, не справлявшимся с обрушившимся на них объемом работы. Психологи социальных служб дежурили на так называемых телефонах доверия. Через эту службу происходило информирование об условиях военной службы и, по сути, проводилась агитация по заключению контрактов с Минобороны. Коллега-психолог возмущенно рассказывала, как во время инструктажа, проводившегося перед дежурством, психологов – а это в основном женщины – просили «включать сексапильность» и «придавать разговору легкий эротический оттенок», апеллируя к факту, что военная служба – «работа для настоящих мужчин».

После активной стадии мобилизационной кампании социальные службы занялись своим непосредственным делом и стали обслуживать новую группу – семьи мобилизованных. Многим социальным работникам, обслуживающим другие группы, добавилась и эта работа. Социальные работники вынуждены были брать на обслуживание до 25 новых кейсов – семей мобилизованных. Прибавка к зарплате составляла всего лишь пять тысяч рублей (50 евро), при этом нагрузка значительно увеличивалась.

С недавнего времени во многих районных «Комплексных центрах социального обслуживания населения» появились специально выделенные структуры – «Отделения социального сопровождения участников СВО и членов их семей». Однако нагрузка с социальных работников, совмещающих свою непосредственную работу с курированием семей мобилизованных, не упала. Они продолжают обслуживать те семьи, с которыми работали до появления специализированных отделений. Таким образом, в помощь этой группе по-прежнему вовлечена вся система социальной поддержки, вне зависимости от специализации.

Организация социального обслуживания новой группы, согласно рассказам участников событий, была связана с огромной

неразберихой и хаосом, который начинался прежде всего при формировании списков семей мобилизованных, кого необходимо «взять на учет». Предполагалось, что семьи всех мобилизованных должны быть охвачены заботой государства.

⁴ См. исследование Захарова, Мартыненко 2023.

Следует признать, что всякая работа российских госслужб обычно протекает в авральном режиме, и это «нормальный» формат их существования и функционирования⁴. Работа госслужащего обычно делится на рутинную — ту, что он обязан выполнять изо дня в день, и авральную — ту, что спускают сверху и которую надо «сделать вчера». При этом авральная работа отнюдь не эпизодическая, но постоянная, ибо новые задачи поступают ежедневно в течение всего рабочего дня и тем самым нарушают рутинное выполнение постоянных задач.

Таким образом, вся работа госслужащих разворачивается в режимах:

Первое, высокой степени неопределенности — неизвестно, когда и какая задача свалится и когда она должна быть выполнена;

Второе, многозадачности, потому что задачи множатся, и выполнять их надо одновременно;

Третье, авральности, потому как все поступающие задачи проходят довольно длинную бюрократическую цепочку указаний сверху вниз, и время на выполнение задач оказывается спрессовано, в связи с чем все надо делать очень быстро, буквально «вчера».

⁵ Street-level bureaucracy, см. Lipsky 2010

Если госслужащий еще является и низовым чиновником⁵, то он по долгу своей службы вынужден постоянно общаться с теми, кому, собственно, и оказывает госуслуги. И потому постоянный прессинг с двух сторон — сверху и снизу — безусловно, осложняет работу. Именно в такой ситуации обычно и работают социальные работники и психологи, которые оказывают услуги населению и которые были в фокусе моего исследования.

Там такая Санта-Барбара бывает: семьи мобилизованных

В ситуации мобилизации в поле государственной заботы новую категорию граждан надо было ввести очень быстро для того, чтобы хоть немного снизить возросшее в обществе напряжение. И потому огромные объемы задач и груз ответственности упали на всю со-

циальную сферу. Первая задача, которую пришлось выполнять сотрудникам социальных служб – составление списков членов семей мобилизованных, распределение и закрепление их за так называемыми социальными кураторами.

Списки мобилизованных поступали в районные социальные центры из военкоматов, и задача сотрудников состояла в том, чтобы выявить, кто входит в состав семьи мобилизованного, наладить с ними контакт, поставить на учет и, соответственно, охватить вниманием и заботой. При этом было необходимо поставить на учет по обслуживанию обязательно семьи всех мобилизованных.

Одна из моих собеседниц — психолог районного отделения Комплексного центра социального обслуживания населения — в интервью рассказывала про ситуацию, когда у мобилизованного не было своей семьи, а родители уже умерли, однако начальство требовало, чтобы то ни стало отчитаться стопроцентным охватом точно по списку. И тогда от нее затребовали справку от призванного на военную службу человека о том, что у того нет семьи. Информантка горько шутила о том, как представляла, что пробирается в зону боевых действий и просит подписать бумажку о том, что де «у меня нет семьи...».

На супервизиях, на которых встречаются специалисты и обсуждают с более опытными сотрудниками профессиональные проблемы, я проводила наблюдение. На таких встречах сотрудники социальных служб делились наболевшим и рассказывали истории о том, как семьи отказывались от внимания и заботы государства и не желали «вставать на учет». Однако в этом случае надо было посетить семью лично и попытаться переубедить. А если социальных работников не пускали в дом, то надо было для отчета сфотографироваться у закрытой двери и просить соседей подписать бумагу о том, что те являются свидетелями безуспешных попыток социального работника проникнуть в квартиру мобилизованного. Безусловно, такие случаи — своего рода «перегибы на местах» и излишнего рвения начальства, но они ярко свидетельствуют о том, как государство стремилось взять проблемы, связанные с мобилизацией, под тотальный контроль и попытаться хотя бы здесь снизить социальное напряжение.

Еще одним вызовом для социальной службы стала почти социологическая задача — как определять границы семьи? На социальное обслуживание брали родителей мобилизованного, а также его жену и детей. Однако в какой-то момент времени появились вопросы, связанные с бывшими женами, а также детьми от прошлых браков.

И если бывшие жены потеряли право на поддержку, то «бывших детей не бывает». Более того, дети — это ныне главная государственная ценность, и они, вне зависимости от брачного статуса родителей, несомненно должны быть включены в поле государственной поддержки и заботы.

Москва, осень 2024 года. Павильон на ВДНХ. Фото Сергея Румянцева.

В интервью и частных беседах мне рассказывали о том, как сложно выявлялись и составлялись списки детей, рожденных в бывших браках мобилизованных, а также списки внебрачных детей. Зачастую это было сопряжено с непростыми разговорами с нынешними женами мобилизованных, в частности обсуждением вопросов семейных измен и обнародованием семейных тайн. Как сказала одна из информанток: «Там такая Санта-Барбара бывает, я даже рассказывать не хочу!».

Тотальная государственная забота о семьях мобилизованных проблематизировала и институт гражданского брака. В анкете, которую заполняет мобилизованный или контрактник в военкомате, есть пункт о том, кому надо перечислять военные доходы и сообщать информацию о местонахождении и состоянии бойца в экстренных случаях. Можно было обозначать любые контакты, в том числе и гражданских жен. В то же время пособия и другие формы социальной поддержки для тех, с кем родственная связь не подтверждалась, в частности запись ЗАГСа, не предоставляются. И здесь возникали конфликтные ситуации — кому на самом деле нужна или по факту

отправляется помощь? Следует заметить, что на практике сложные случаи непростой семейной ситуации и объект социальной поддержки определяются на местах и ситуативно.

Ветераны, «бойцы», «ЭС-ВЭ-ошники», «ребята»: социальная категоризация благополучателей

Так или иначе со временем ситуация несколько стабилизировалась, и списки получателей социальных услуг были сформированы. При этом они постоянно пополняются, а система категоризаций того, кому необходима помощь, остается довольно сложной. В соответствии с категоризацией различных групп определяется объем и направления социальной помощи государства.

В самом привилегированном положении с правами на максимальный набор услуг оказались мобилизованные и их семьи. Чуть позже в поле внимания и заботы стали попадать контрактники (те, кто заключает контракт на воинскую службу с Министерством обороны и добровольно идет на войну) и их семьи. Они наравне с мобилизованными обслуживаются системой социальной помощи и получают господдержку в полном объеме. Безусловно, помощь продолжает оказываться и семьям погибших. Более того, она оказывается и тем семьям, чьи родственники определены как «без вести отсутствующие» и даже семьям «самовольно оставивших (воинскую) часть». Правда, в последнем случае выплаты приостанавливаются, но социальные услуги оказываются в полном объеме. Объектами поддержки становятся и бывшие бойцы ЧВК Вагнер и их семьи. Однако помощь им ограничена, в частности они не получают денежные пособия от Минобороны.

Участники СВО после демобилизации получают удостоверение «Ветеран боевых действий», однако категория «ветеран» еще не стала работающей ни в системе социальной поддержки, ни в обществе, что, вероятно, связано с тем фактом, что война еще продолжается. Хотя, это удостоверение является чем-то вроде самой важной справки, по которой оформляются все пособия и льготы. Сами сотрудники социальных служб в своей рутине используют соответствующие номинации — мобилизованные, контрактники, вагнеровцы.

При этом обобщенной категорией и довольно часто используемой в работе становится понятие бойцы. Я полагаю, в этой номинации

отражена главная характеристика группы – их участие в боевых действиях. В частных разговорах зачастую звучат номинации эс-вз-ошники или ребята. В этих номинациях отчасти возможно прочесть отношение и к этой категории лиц в частности, и к войне в целом. Если мой собеседник во время интервью использовал слово «эс-вз-ошник», то воспроизводилась определенная дистанция в отношении этой категории лиц, и война в общем-то осуждалась как факт вне зависимости от того, каких политических взглядов придерживался собеседник. Если в разговорах или интервью звучало слово «ребята», то в этой номинации однозначно прочитывалась вовлеченность, близость и сочувствие, а отношение к войне было менее критическим и скорее поддерживающим. И с теми, и с другими позициями я сталкивалась в исследовании примерно в одинаковых пропорциях.

Итак, основная работа системы господдержки ведется в отношении семей действующих и погибших участников боевых действий, но не самих участников, что и понятно — демобилизации еще не было. При этом вернувшиеся с войны есть. Это и вагнеровцы, и контрактники, кому удалось не продлевать контракт; и раненые, кто находится на излечении дома; и демобилизованные по ранению, кто уже не способен воевать. Однако их число еще невелико. Далее я опишу структуру социальной поддержки членов семей, а затем отдельно рассмотрю особенности социальной работы с вернувшимися из зоны боевых действий.

Санкт-Петербург, зима 2024 года. Фото Сергея Румянцева.

У них отца убили, а я им билеты в цирк: социальная работа с семьей

Социальная работа в отношении членов семей участников СВО ведется в нескольких направлениях. Так, они могут получать юридическую поддержку, в частности консультироваться относительно оформления положенного им социального пакета, включающего пособия, льготы по оплате жилья, квоты для поступления в вузы детям и пр. И это, по мнению участников исследования, наиболее востребованная социальная услуга. Кроме того, им предлагается помощь в трудоустройстве, психологическая поддержка, как групповая, так и индивидуальная. Иногда через социальные службы распределяется гуманитарная помощь в виде продуктовых наборов и подарков детям на праздники.

Очень активная работа ведется в отношении организации досуга. Социальные службы распространяют бесплатные билеты на концерты и на спортивные мероприятия. Насколько я понимаю, крупные стадионы и концертные залы выделяют определенное количество бесплатных билетов, распространяемых через социальные службы. Моя коллега, работающая психологом в одном из социальных центров, заметила по этому поводу: «Ага, у них отца убили, а я им билеты в цирк...».

Членов семей военнослужащих активно привлекают к мероприятиям и к участию в творческих коллективах. Эти творческие коллективы, например театральные, художественные или литературные кружки действуют при Центрах социальной помощи и изначально ориентированы на интеграцию людей из разных уязвимых групп. Тех, кто может испытывать социальные трудности, например люди с инвалидностью, пожилые люди. Система арт-реабилитации и социальной интеграции была достаточно хороша развита до войны. Интересно, что теперь в нее вовлекают людей, которые в общем-то не нуждаются или не должны нуждаться в поддержке такого рода, в частности в интеграции. Тем не менее система предлагает эти услуги новой категории граждан, признанных государством уязвимыми и нуждающимися. В результате организация досуга становится одной из наиболее важных услуг в рамках социальной поддержки.

После фактически принудительной постановки на учет членов семей участников военных действий, социальные службы отчасти вернулись к привычной для себя схеме работы — заявительной. Гражданин сам заявляет в Центр, к которому прикреплен, о своих

проблемах, и совместно с социальным работником принимается решение о необходимых услугах и их объемах. В отношении этой группы благополучателей применяется несколько другой алгоритм работы. К каждой семье, состоящей на учете, прикреплен куратор, который помимо работы по заявлениям, сам отслеживает ситуацию. В частности, если заявок и просьб не поступает, куратор раз в месяц должен обзвонить своих клиентов и поинтересоваться ситуацией.

В качестве проблем, которые решает куратор, называли проблемы с устройством детей в школы или с организацией для них бесплатного питания, запись в поликлиники к нужному специалисту и так далее. Куратор, с одной стороны, предлагает заявителю путь решения проблемы: кому надо позвонить, куда обратиться и так далее. И с другой стороны, может связаться со школьным или медицинским учреждением и озвучить проблему уже там с тем, чтобы при непосредственном обращении гражданина, к его вопросу отнеслись более внимательно на основании особого статуса заявителя. И даже если самим учреждением не предусмотрены льготы, например школа не может переводить учащегося из класса в класс на основании статуса члена семьи участника СВО, все равно особое внимание решению этой проблемы будет уделено. В интервью мне не раз рассказывали о таких случаях. Вообще, кураторские услуги ранее оказывались людям, которые сами не могли решить свои бытовые и другие проблемы в силу разных причин. В данном же случае проблемы решаются, скорее, за счет особого статуса. При этом социальный куратор выступает проводником, адвокатом и даже тем, кто участвует в производстве особого статуса новой социальной группы.

Далеко не все готовы принимать помощь от государства в формате социального обслуживания. В нескольких беседах сотрудники социальных служб жаловались на то, что их «ежемесячно посылают». Однако они снова и снова, в соответствии со своими рабочими обязанностями, вынуждены звонить и спрашивать членов семей участников боевых действий о том, чем могут помочь, слыша в ответ: «Сына / мужа верните!». По мнению опрошенных, наиболее сложными клиентами являются родители участников боевых действий. Они, в силу возраста, меньше доверяют незнакомым телефонным звонкам; чаще отказываются от бесплатной помощи, полагая, что «по счетам-таки придется платить» и даже скрываются от назойливых социальных работников. Мне рассказывали о нескольких кейсах, когда родители не знали, что их сын участвует в войне, в то время как само предложение помощи раскрывало этот секрет.

В приоритете боец и его дети: социальная помощь «женам героев»

Супруги, по мнению социальных работников, более отзывчивы к предложенной помощи и с большой готовностью принимают ее. Хотя, безусловно, эта группа совершенно не однородна, и помощь принимается по-разному. Согласно недавнему исследованию репертуара гендерных контрактов жен мобилизованных, государственная политика в их отношении, реализуемая через систему социальной помощи и поддержки, характеризуется как «традиционно направленная и патерналистская» (Осокина 2025). Мое исследование подтверждает этот тезис. В рамках социальной помощи женщина воспроизводится как субъект нуждающийся в помощи не столько для себя, но с тем, чтобы она оказалась способной помогать своему мужчине.

Кронштадт, весна 2024 года. Фото Сергея Румянцева.

Безусловно, вся система социальной помощи очень активно работает с супругами участников СВО. Помимо социальных выплат и решения каких-то проблем, женщинам предлагается психологическая поддержка и обеспечение досуга. Однако и в этой поддержке очевидны приоритеты – в центре внимания не женщина, но ее супруг – «воин и защитник Отечества». Хорошей иллюстрацией этому наблюдению стало высказывание психолога одного из

районных Центров социального обслуживания населения. На вопрос о том, работает ли она с женщинами, та ответила: «Конечно, у жен героев должен быть ресурс для реабилитации своих мужей». Она же рассказывала о том, что предпочитает, чтобы женщины приходили на семейную терапию, а не индивидуальную, потому что необходимо поддерживать прежде всего семью.

В женском клубе, организованном в одном из Центров, аналогичных вышеупомянутому, на заседаниях вырабатывается свод правил общения с мужем, который вернется из зоны боевых действий. В их числе такие:

- необходимо общаться с мужем нежно и говорить тихо;
- сзади не подходить, дабы не спровоцировать страх и агрессию;
- дать мужу отлежаться на диване столько, сколько ему потребуется;
- не препятствовать общению с боевыми товарищами;
- не вовлекать сразу в домашние дела и пр.

Иркутск, зима 2024 года. Фото Сергея Румянцева.

В другом Центре по инициативе сотрудников была организована фотовыставка, где были собраны портреты женщин в военных мундирах их воюющих мужей. Мундиры были накинuty на нарядные платья, однако скрывали их. По сути, героини несли на себе отпечаток мужчины, скрывая собственную индивидуальность. Они – лишь «жены героев».

Наиболее сильное впечатление на меня произвел рассказ одной

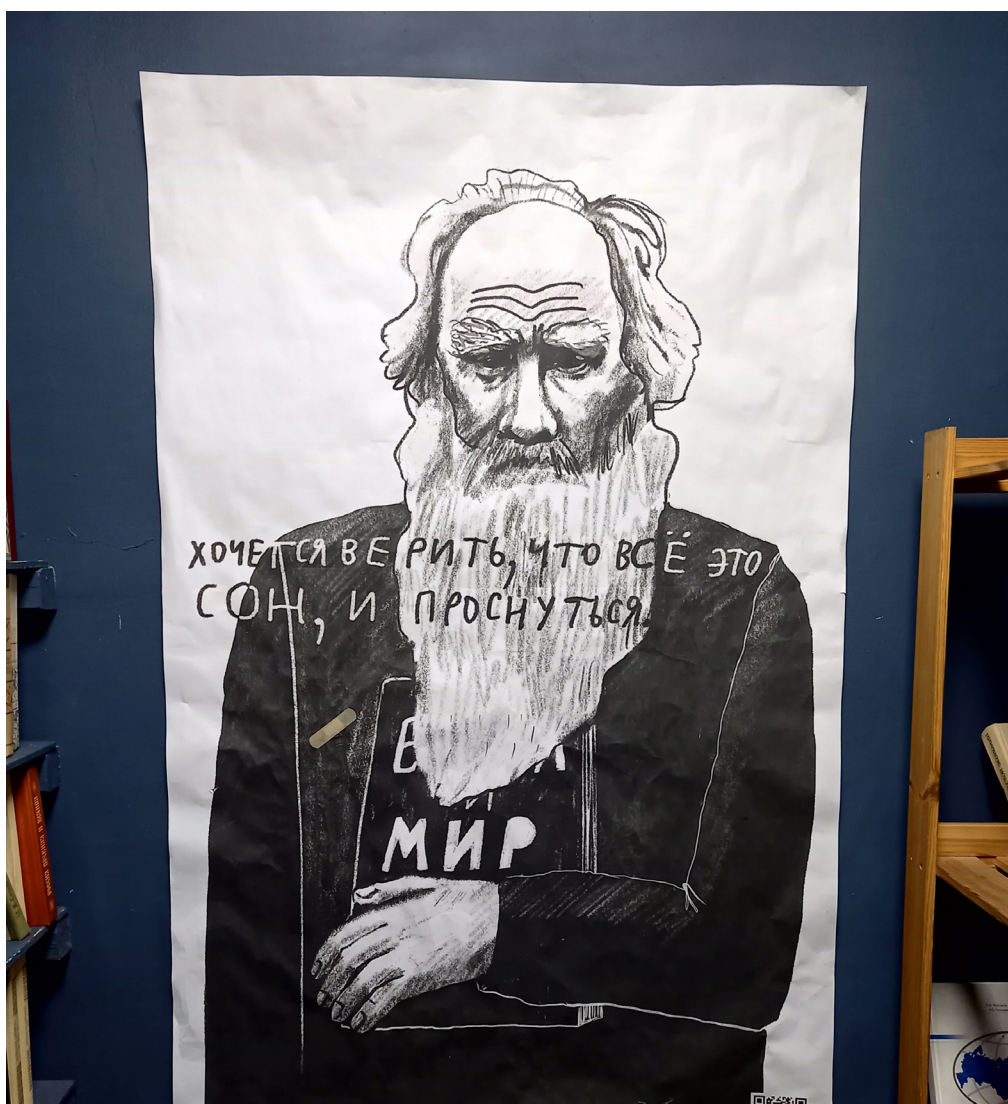
из информанток о том, что у них в Центре в 2023 году проводился конкурс красоты жен участников боевых действий. Одна участница прямо во время конкурса получила известие о смерти брата. По словам моей собеседницы, женщина «смогла взять себя в руки», выступила на конкурсе «и потом только ушла домой горевать горе». В данном высказывании очевиден не только приоритет общественного над личным, когда публичное мероприятие важнее индивидуального горя. Сама смерть кажется не столь чудовищным и экстраординарным событием, она даже ожидаема и вполне вписывается в концепцию мероприятия и его общую идеологию. Информантка видит этот случай как наполненный большими символическими значениями, интерпретируя поступок женщины как героический, соответствующий времени и его вызовам. Таким образом, даже в рамках социальной помощи женщина рассматривается как жена (в данном случае сестра) героя, которая должна поддерживать своих мужчин, «быть в ресурсе» для того, чтобы обслуживать его, а в случае смерти, достойно перенести горе.

Герои моего исследования — сотрудники социальной сферы — несмотря на определенные моральные максимы профессии (нельзя осуждать тех, кому помогаешь и с кем работаешь), с оговорками, но так или иначе высказывали моральные суждения относительно своих «подопечных». Кстати, моральные суждения в основном касаются именно женщин. Мужчин не осуждают, для них всегда находятся оправдательные схемы, связанные с психологической травматизацией участника боевых действий и пр.

Обобщая, можно сказать, что для социальных работников, «правильная жена бойца» — та, которая в ситуации отсутствующего дома мужчины (в то время, пока он воюет) берет на себя обеспечение семьи и решение всех семейных проблем. После возвращения мужа она готова «уйти в тень», отдав мужчине его «законное место». И впоследствии ценой самопожертвования она должна решать проблемы по психологической адаптации человека с посттравматическим расстройством, вызванным участием в боевых действиях. И главное — она не гонится за социальными пособиями и выплатами.

В различных интервью неоднократно звучало осуждение тех женщин, кто «без конца что-то требует». Один из моих собеседников — согласно его представлению «дважды полковник в отставке», ныне работающий в специализированном отделении помощи семьям СВО — высказал мысль о том, что надо женщинам запретить получать пособия и выплаты участников боевых действий. Эти

выплаты следует оставить только для родителей и детей, являющихся «действительно законными представителями». Его аргументация была связана с тем, что много браков сейчас совершается «с женщинами легкого поведения», а в результате бойцы «оказываются без денег». Так или иначе, хочется завершить этот раздел словами одной из информанток: «Вообще-то у нас в приоритете боец и его дети», что в общем-то отражает идеологическую позицию российского государства, реализуемую в социальной политике.

Иркутск, зима 2024 года. Фотовыставка. Фото Сергея Румянцева.

Шансы на возвращение: социальная помощь вернувшимся из зоны боевых действий

Вернувшихся из зоны боевых действий, с которыми работают социальные службы, еще не так много. Тем не менее они есть, и работа с ними ведется. С ними, как и с членами их семей, работает куратор, решая поступающие вопросы и проблемы. Им оказываются юридические услуги по информированию о положенных льготах и пособиях, при необходимости предлагается помощь в трудоустройстве и в медицинском обслуживании, их приглашают участвовать в досуговых мероприятиях. Кроме того, им оказывается психологическая помощь — и это одна из самых актуальных услуг, предлагаемых Центрами социального обслуживания населения любым уязвимым группам.

Здесь мне хотелось бы вернуться к теме опасений и страхов в отношении вернувшихся из зоны боевых действий. Опыт легитимизированных убийств, согласно и исследованиям, и широко распространенному мнению, порождает агрессию и в мирных контекстах. Исследователи пишут о том, что люди, имеющие опыт боевых действий, как правило, страдают посттравматическим синдромом, возможно проявляющийся не сразу. Но таких проблем избежать невозможно и синдром всегда требует работы специалистов (Данилова 2007). Все мои собеседники единодушны во мнении, что вернувшиеся с войны люди могут представлять опасность как для себя, так и для окружения. Наиболее радикальные высказывания связаны с тем, что все возвращающиеся с войны должны проходить своего рода психологический карантин с тем, чтобы влиться в обычную жизнь без потерь для обеих сторон — и вернувшихся, и тех, кто оставался дома.

Мои собеседники говорят о социальной дезориентации людей после возвращения, с чем связывают частое желание вернуться назад, «за ленточку» — наиболее часто используемый эвфемизм для обозначения пространства боевых действий. Люди, имея за плечами такой опыт, переживают экзистенциальный кризис, не понимая, куда и зачем им двигаться дальше. Зачастую, прежние социальные связи оказываются разорванными. Мои собеседники в интервью рассказывали о частых внутрисемейных конфликтах, и прежде всего с детьми. О схожих проблемах писал в своем эссе «Возвращающийся домой» известный феноменолог Альфред Шюц, полагая, что вернувшиеся с войны люди имеют столь уникальный

опыт, который ни с кем из близких уже не могут разделить, и потому «никогда не могут вернуться» (Шюц 1995).

Москва, весна 2024 года. Стихийный мемориал в память о погибших служащих ЧВК Вагнер на ул. Варварке. Фото Сергея Румянцева.

Посттравматический синдром проявляет себя в нарушении физического здоровья, в агрессии в отношении близких или посторонних людей, в алкогольной и наркотических зависимостях, наличие которых ныне фиксируют социальные работники и психологи. По их мнению, возвращающимся сначала нужна помощь кризисного психолога, а потом длительная терапия, которую могут предложить социальные службы. При этом информанты говорят о частых отказах от терапии. Объясняется такое поведение рядом факторов, среди которых не только общее отношение к психологии как псевдо-медицине. Играет свою роль и доминирующая в этой среде модель маскулинности, предполагающая индивидуальное преодоление проблем, когда обращение за помощью интерпретируется как поведение, не достойное мужчины. Распространено и недоверие к конкретным специалистам, когда, по мнению бывших военных, их не смогут понять ни молодая девушка-психолог, ни не служивший в армии мужчина и т. д. В этой связи на настоящий момент специалисты видят важнейшим компонентом своей работы мотивирование участников боевых действий к принятию терапии.

Однако психологической работы недостаточно. В большинстве

интервью речь шла не просто о психологической адаптации к мирной жизни, но и о ресоциализации, что является более широким понятием. В одном из интервью с психологом прозвучала мысль о том, что с войны возвращается совершенно новый человек, в условиях войны поменявший собственные ценности, изменивший личностные характеристики и пр. По ее мнению, он не только сам должен адаптироваться, но может и должен адаптировать этот мир под себя и свои потребности. Моя собеседница полагает военный опыт не только деструктивным - в нем, по ее мнению, есть позитивные моменты. В частности, отвоевавший человек умеет выживать в экстремальных условиях, лучше понимает пределы своих интеллектуальных, физических и эмоциональных возможностей, имеет опыт «открытого и бесхитростного общения», а также формулирует для себя новые ценности, которые более четко отражают «диспозиции друзей и врагов». По ее мнению, это тот фундамент, на котором человек будет выстраивать себя как личность и свою идентичность в новом для него мире. Такая несколько упрощенная и однозначная позиция, делящая мир «на черное и белое», в которой редуцированы моральные схемы, на мой взгляд, потенциально очень конфликтна.

Улан-Удэ, зима 2024 года. Фото Сергея Румянцева.

Семнадцать похорон за три месяца: вызовы для социальной службы

Безусловно, работа с новой социальной группой поставила перед системой множество вызовов. В интервью мои собеседники в первую очередь жаловались на дефицит кадров и непомерную нагрузку. Социальные службы всегда сталкивались с этой проблемой, что было связано прежде всего с очень низкой заработной платой. Однако работа последних трех лет значительно увеличила нагрузку. Выросли объемы работы, а высокая степень неопределенности и авральный характер работы усилились в разы. Все это породило большую текучесть кадров. В систему в настоящее время приходит множество людей, далеких от социальной сферы, у которых не только нет профильного образования, но и личностных качеств, таких как способность к эмпатии и др., необходимых, по мнению моих информантов, для работы с людьми в помогающих профессиях.

Работа с новой группой требует специальных профессиональных знаний и компетенций, отсутствующих у работников сферы. Ни один из моих собеседников до последнего времени не имел практического опыта и специализированных знаний о том, как работать с посттравматическими синдромами и вообще с людьми, имеющими столь радикальный и травматичный опыт. Работа с ветеранами Отечественной войны интерпретируется как работа с пожилыми, а с ветеранами Афганской и Чеченских войн никто из моих информантов в своей работе не сталкивался. При этом специализированные образовательные курсы по работе с комбатантами еще только начинают появляться.

Участники исследования говорили о высокой степени профессионального выгорания, связанной и с объемами работы, и со сложностью решаемых задач. Согласно наблюдениям на супервизиях, многие сотрудники социальных служб, непосредственно работающие с вернувшимися из зоны боевых действий, сталкиваются с агрессией в свой адрес или с сексуальными домогательствами. Простое выполнение рабочих обязанностей социальным работником, в частности регулярные звонки по телефону и вопросы о проблемах интерпретируются как проявление сексуальной заинтересованности и предложение перевести отношения в другой формат. Особенно тяжело воспринимается инициатива отдельных районных Центров отправлять своих сотрудников, как правило психологов, на похороны погибших в боевых действиях военных,

семьи которых состоят на учете и обслуживании этих Центров. В частной беседе одна из моих коллег буквально плакала, рассказывая о том, что ей пришлось за три месяца побывать на 17 похоронах. По ее мнению, присутствие психолога на похоронах призвано не столько оказывать поддержку семье — для этого нет ни условий, не техник, ни компетенций — но демонстрировать начальству и семье сочувствие и солидарность. Во время нашего разговора моя собеседница высказала твердое намерение уволиться.

Следует заметить, что сам разговор о работе с участниками боевых действий и их семьями зачастую вызывал сопротивление и затруднения, что, на мой взгляд, связано прежде всего со страхом. Страхом «сказать что-то неправильно», страхом, что через разговор о рабочих проблемах я прочту их личное отношение к войне. Страх прочитывался не только в реакции на предложение поговорить на эту тему, но и в языке. Так, информанты медленно и вдумчиво подбирали «правильные» слова, размышляя, где уместнее использовать слова «СВО» или «война», часто обращаясь к эвфемизмам. «За ленточкой» — самое безопасное выражение, обозначающее места боевых действий. Даже работая с этой группой, люди испытывают страх, понимают, насколько тема неоднозначна и может вызвать репрессии, и потому проявляют осторожность. При этом исследование подтверждает, что в социальной сфере занято множество людей, искренне любящих свою работу и честно старающихся помочь своим клиентам, вопреки и несмотря на низкие зарплаты, огромный объем задач, нервный режим, а иногда и вопреки критическому отношению к войне. Определение своей деятельности как помощь конкретным людям позволяет избегать политической оценки происходящего и перевести ее исключительно в гуманитарную перспективу, потому как они «помогают людям», а не «эс-вэ-ошникам» или «бойцам».

Вместо заключения: процесс формирования новой социальной группы

Система социальной поддержки активно работает с новой для российского общества социальной группой – участниками боевых действий в Украине и членами их семей. По сути, система становится проводником государственной политики в отношении этой группы, на практике реализуя ее. При этом деятельность социальных служб имеет и дополнительные социальные эффекты. Служба активно задействована в идеологической работе. Как и школы, центры социальной помощи проводят конкурсы фотографий и детских рисунков, посвященные «новым героям», организуют концерты к «правильным» датам и с нужным посылом и пр. Накануне праздника 9 мая я наблюдала большую активность. Даже во время наших встреч участники исследования отвлекались на срочные звонки. В основном для приглашения тех, кого они курируют, поучаствовать или даже выступить на митингах, провести в школе «урок мужества» и так далее. Иными словами, происходит усиленная идеологизация социальной сферы.

Новая группа получила множество привилегий. Помимо пособий, участники СВО имеют доступ ко множеству льгот, среди которых немало и финансовых. Например поддержка в квартплате или получение бесплатного питания для детей в образовательных учреждениях. Группа получила приоритетное право оформления детей в детские сады и льготы при поступлении детей в вузы.

Социальные службы активно участвуют в производстве особого статуса группы, когда берут на себя решение многих проблем. Не специфических проблем, с которыми не могут справиться члены уязвимых групп. Социальные кураторы помогают в общем-то в обыденных вещах. Например при переводе ребенка из одного класса в другой, записях на прием к врачу и пр. При этом для решения задач они апеллируют к особому статусу ходатайствующего. Как заметила одна информантка, упоминание статуса просителя при записи на прием к нужному специалисту в поликлинике «творит чудеса» и открывает «закрытые двери». По сути, члены группы вполне способны справиться с этими задачами сами, без участия посредника в виде социального куратора и даже, возможно, без указания своего статуса. Тем не менее они обращаются к этим привилегиям, а социальные работники активно им помогают в силу своих рабочих обязанностей.

Возможно, сейчас мы наблюдаем за процессом формирования новой социальной группы, имеющей не только особый статус и привилегии, но и шансы на воспроизводство в бюрократической системе, учитывая государственные программы по переобучению демобилизованных и привлечению их к работе в государственных службах.

Использованная литература:

Данилова, Н. Ю. (2007). Армия и общество: принципы взаимодействия. Норма.

Захарова, А. Л., & Мартыненко, А. А. (2023). На хвосте у Левиафана: антропологические исследования бюрократии и бюрократов. Антропологический форум, (59), 11–47.

Осокина, Д. А. (2025). Дискурс социальной политики как фрейм нового репертуара гендерных контрактов жен мобилизованных. Интеракция. Интервью. Интерпретация, 17(1), 87–107.

Шютц, А. (1995). Возвращающийся домой. Социологические исследования, (2), 139–142.

Lipsky, M. (2010). Street-level bureaucracy: Dilemmas of the individual in public service. Russell sage foundation.

Автор:

Ольга Сенина

Редакторы серии «Аналитические заметки»:

Елена Штайн, Сергей Румянцев, Александра Талавер

Верстка:

Лев Владов

Название:

Если вернулся с «работы для настоящих мужчин»: социальная помощь «бойцам» и «женам героев» в России (весна 2025)

№2, июнь 2025

Опубликовано:

Centre for Independent Social Research in Berlin

CISR e.V. Berlin | www.cisr-berlin.org

Изображение на обложке: Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, зима 2024 года. Фотовыставка плакатов. Фото Сергея Румянцева.